

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПРЕДМЕТА И МЕТОДА СЕМЕЙНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ильина О. Ю.

*доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО
«Тверской государственный университет»,
Российская Федерация, 170021, Тверь, ул. Грибоедова, д.22, каб. 222,
Ilina.OY@tversu.ru*

Автор обращается к проблематике определения предмета и метода как системообразующих признаков семейного права, анализирует содержание законопроекта, направленного на совершенствование механизма регулирования семейных отношений в целях укрепления семьи. Признавая обоснованность вмешательства государства в дела семьи посредством установления правовых предписаний, автор критикует некоторые положения законопроекта, свидетельствующие о фактическом изменении предмета и метода семейного права.

Ключевые слова: семья; семейное право; предмет семейного права; метод семейного права; публичные интересы; частные интересы.

ON THE ISSUE OF CHANGING THE SUBJECT AND METHOD OF FAMILY LAW REGULATION

Ilina O.

*doctor of law, Professor, Dean of the faculty of law Tver state University,
Griboyedov str., office 222, 170021, Tver, Russian Federation,
Ilina.OY@tversu.ru*

The author addresses the problem of defining the subject and method as system-forming features of family law, analyzes the content of the draft law aimed at improving the mechanism for regulating family relations in order to strengthen the family. While recognizing the validity of state intervention in family Affairs by establishing legal regulations, the author criticizes certain provisions of the draft law that indicate an actual change in the subject and method of family law.

Keywords: family; family law; subject of family law; method of family law; public interests; private interests.

История отечественного права и законодательства демонстрирует нам различные предпосылки, формы и последствия реформирования предмета и метода правового регулирования в той или иной сфере общественных отношений. Семья и семейные отношения всегда находились в особой зоне внимания государства при одновременном признании в той или иной степени свободы граждан, приоритета

частных интересов. В период действия Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) достаточно активно развивается законодательство, регулирующее смежные с семейными отношениями, в пределах которых граждане в то же время осуществляют свои семейные права. Речь идет, прежде всего, о репродуктивных правах лиц, намеревающихся приобрести семейно-правовой статус родителей; об имущественных правах супругов и бывших супругов при одновременном наличии статуса предпринимателя или участника иных корпоративных отношений, о праве на социальное обеспечение и иные дополнительные меры государственной поддержки лиц, воспитывающих детей на различных основаниях, и т.д.

Представляется, что предмет семейного права невольно расширяется за счет этого, причем зачастую совершенно необоснованно. Весьма сложно определить пределы предмета семейного права посредством установления понятий «семья» и «брак», хотя именно эти формы отношений и правоотношений синонимичны, как правило, предмету семейно-правового регулирования.

Заметим, что в регулировании непосредственно брака как союза мужчины и женщины, зарегистрированного в установленном законом порядке, современные нам изменения произошли лишь в сфере имущественных отношений, регулируемых нормами не только СК РФ, но и Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Добровольный порядок нотариального удостоверения соглашения о разделе общего имущества супругов заменен на обязательный (п. 2 ст. 38 СК РФ); появился институт совместного завещания супругов (п. 4 ст. 1118 ГК РФ); специальные правила, затрагивающие имущественные права супругов и бывших супругов, предусмотрены законодательством о банкротстве физических лиц.

Данная тенденция не может не настораживать. Государство, будучи заинтересованным в регулировании имущественного оборота, устанавливает специальные правила, с одной стороны, предоставляющие супругам возможность выбора варианта поведения при регламентации отношений супружеской собственности, в том числе в случае смерти одного из супругов. Но, с другой стороны, публичный интерес в упорядочивании и стабильности имущественного оборота явно превалирует, особенно при признании банкротом одного из супругов.

Можно предположить, что вышеизложенное также является обоснованием законодательной инициативы по совершенствованию механизма регулирования имущественных отношений с участием супругов и бывших супругов [1]. И, хотя один из авторов законопроекта,

депутат П. В. Крашенинников, заявил, что «поправки сформулированы очень осторожно с целью минимального воздействия на сложившийся в России институт семейных отношений», следует признать весьма кардинальный характер некоторых предложений. Безусловно, многие из новелл, содержащихся в данном законопроекте, необходимы с целью обеспечения комплексного подхода к регулированию имущественных отношений с участием супругов (бывших супругов).

Но П. В. Крашенинников абсолютно прав и в опасениях, которые, на наш взгляд, следует соотнести с упомянутым институтом «семейных отношений». Случайно ли ведущий цивилист обозначил именно «семейные отношения», а не «семью»?

На наш взгляд, происходящие изменения, обусловленные новым содержанием и формами реализации государственной семейной политики, что нельзя не приветствовать, в то же время сменили приоритеты в предмете семейно-правового регулирования, поскольку превалировать стали именно «семейные отношения» за счет расширения перечня институциональных признаков.

Обычно семья соотносится с кругом лиц, являющихся кровными родственниками, а зарождаются эти кровнородственные связи в пределах брака, как союза мужчины и женщины. Что же происходит в последнее время?

Семейные отношения по воспитанию детей, оставшихся без попечения родителей, будь то опека или попечительство, возможно, в форме приемной семьи, становятся не только распространенной формой социального института, но и новой формой семейных правоотношений. При отсутствии, как правило, кровного родства, опекун (попечитель) ребенка обладает полномочиями законного представителя ребенка, родители которого совершенно не обязательно лишены родительских прав или ограничены в родительских правах.

Это новая форма семьи или семейных отношений? Очевидно, второй вариант более верный. Кроме того, как известно, по достижении ребенком определенного возраста эти отношения прекращаются, какие-либо отдаленные правовые последствия не свойственны для опеки (попечительства). Абсолютно иное содержание мы наблюдаем при воспитании ребенка отчимом или мачехой. С одной стороны, супруг родителя не обладает никакими правами и обязанностями по воспитанию и содержанию ребенка, хотя отчим (мачеха) став нетрудоспособным и нуждающимся, может предъявить к пасынку (падчерице) требование о своем содержании (ст. 97 СК РФ). Заметим, что законодатель включает отчима, мачеху, пасынков и падчериц

наследодателя в число наследников по закону в качестве наследников седьмой очереди (п. 3 ст. 1145 ГК РФ).

Таким образом, исключительно гражданско-правовые основания в виде опеки (попечительства) порождают семейные правоотношения по воспитанию ребенка, но они, несмотря на значимость с точки зрения формирования личностных качеств у ребенка, подготовки его к самостоятельной жизни, ограничены по времени и прекращаются с его истечением. Однако воспитание ребенка в семье кровным родителем и его супругом, не являющимся родителем ребенка, не предоставляет отчиму (мачехе) соответствующих прав и обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка, хотя правоотношения имеют длящийся характер. Странно, но на этом примере, по нашему мнению, можно продемонстрировать самостоятельность социальных институтов «семейных отношений» и «семьи», в отношении каждого из которых применяются специальные методы правового регулирования.

Не менее интересна и другая сфера, связанная с установлением правоотношений между совершеннолетними лицами обоего пола, которые совершенно не обязательно должны состоять в браке между собой, и ребенком, который родился как в результате естественного зачатия, так и при применении вспомогательных репродуктивных технологий.

Заметим, СК РФ по-прежнему достаточно ограниченно регламентирует отношения по применению метода суррогатного материнства как основания возникновения родительских прав и обязанностей. На наш взгляд, это вполне объективно, поскольку СК РФ не может и не должен устанавливать предписания так называемого медицинского протокола, семейное законодательство исходит в данном случае исключительно из целей правового регулирования семейных отношений. Представляется, что в исследуемой сфере возможно апеллирование к всего лишь двум критериям, каждый из которых позволяет охарактеризовать общественные отношения как семейные: во-первых, это семейно-правовой статус участников; во-вторых, наличие, как правило, кровного родства между ребенком и родителями (одним из них).

Позиция законодателя удивительно неизменна: несмотря на значительное число научных публикаций, содержащих не только призыв, но и обоснование необходимости отказа от приоритета социального родительства, по-прежнему супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине с целью его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка, то есть суррогатной матери (п. 4 ст. 51 СК РФ).

Применение данной нормы опять-таки демонстрирует трансформацию института семьи в семейные отношения: фактически между суррогатной матерью и ребенком нет кровного родства, но формально она может иметь статус его матери, традиционно ассоциируемый с семьей.

Нельзя не отметить в контексте наших рассуждений и позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в постановлении от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [4].

Во-первых, Пленум ВС РФ ввел в лексикон правоприменителя (заметим, не в научный оборот, а именно в сферу правоприменения) новое понятие – «потенциальные родители». Это лица, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокая женщина, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (п. 31).

Во-вторых, разъясняя порядок применения законодательства при рассмотрении спора между суррогатной матерью и «потенциальными родителями», Пленум подчеркивает, что отказ суррогатной матери дать потенциальным родителям согласие на запись их родителями ребенка не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание.

Хочется надеяться, что Пленум ВС РФ в данном случае исходил из интересов ребенка и необходимости воспитания его именно в семье, а не в рамках института «семейных отношений».

В то же время, разъясняя порядок применения законодательства при рассмотрении спора другого вида, Пленум ВС РФ подчеркивает, что наличие фактического родства не может быть принято во внимание, если для зачатия ребенка использовался генетический материал донора.

Итак, семья или институт семейных отношений, что же выступает в современной ситуации предметом семейно-правового регулирования? Представляется, что наличие именно кровного родства должно превалировать при решении вопроса не только о квалификации соответствующих отношений как семейных, но и при применении норм действующего законодательства.

В частности, если обратиться к позиции Конституционного Суда Российской Федерации по жалобам, связанным с осуществлением семейных прав, основанных на отношениях усыновления, то фактическое разглашение тайны усыновления возможно вопреки публично установленному запрету исходя из необходимости

установления кровнородственных связей. Так, при рассмотрении жалобы граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной Конституционный Суд РФ отметил: «В ситуациях усыновления сведения о происхождении ребенка, хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, места рождения и иных обстоятельств усыновления, в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими родственниками и т.д. В таких случаях речь идет об удовлетворении лицом определенного информационного интереса, который состоит в том, чтобы знать о происхождении своих родителей, о своих предках» [3].

Как уже отмечалось, в СК РФ периодически вносятся изменения, что само по себе вполне нормально, хотя невозможно не отметить определенную стабильность и неизменность положений кодекса в отличие, например, от ГК РФ. В июле 2020 года в Государственную думу ФС РФ был внесен законопроект № 989008-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» [2].

Примечательно, что сенатор Е. Б. Мизулина, как и другие соавторы законопроекта, исходит из укрепления института именно семьи, а не семейных отношений.

Во-первых, предлагается среди основных понятий определить такие как «родители» и «родная семья», «родственники». При этом родителями стоит считать кровных мать и отца ребенка; родная семья – семья родителей ребенка и (или) их родственников, а родственники – лица, находящиеся в кровном родстве и происходящие один от другого или от общего предка.

Заметим, что для науки семейного права характерно постоянство, периодически характеризуемое возрастанием степени активности дискуссии, суждений о необходимости использования понятия «семья» как универсального для всех отраслей законодательства, так и уникального для каждой из соответствующих отраслей. Разработчики указанного законопроекта предпочли отметить особый статус семьи как социального института, основанного на кровном родстве субъектов, отношения в пределах которого регулируются семейным законодательством. Наверное, это необходимо. Использование понятия «семья» как элемента других социальных институтов, обладающих правовой самостоятельностью («приемная семья», «замещающая семья»

и др.), привело к девальвации семейных ценностей, истинного понимания семьи как союза лиц.

Кстати, в данном законопроекте содержится много предложений, регламентирующих основания и порядок передачи ребенка на попечение родственников, в том числе близких (бабушек и дедушек). Непосредственно в СК РФ предлагается предусмотреть основания и порядок подачи родителями (единственным родителем) заявления о временном назначении ребенку опекуна на период, когда они по уважительным причинам не смогут осуществлять свои родительские права.

В рамках настоящей статьи не предполагается исследование всех нововведений, содержащихся в законопроекте, однако стоит отметить явный акцент в изменении метода регулирования семейных отношений.

На наш взгляд, разработчики законопроекта предлагают не только расширить сферу семейных отношений, регламентируемую нормами именно семейного законодательства, но и изменить устоявшееся соотношение частноправовых и публично-правовых начал в механизме семейно-правового регулирования посредством усиления последних. И, если проанализировать последние изменения законодательства, нормы которого подлежат применению к отношениям, связанным с осуществлением, охраной и защитой семейных прав граждан, то это тенденция.

Библиографические ссылки

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: проект Федерального закона № 835938-7 // Консультант.Плюс Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

2. О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989008-7>. – Дата доступа: 25.07.2020.

3. По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ, 16 июня 2015, № 15-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 16 мая 2017 г., № 16 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.